

DOI 10.15826/qr.2018.4.350

УДК 94(470)"18"-058.224+323.34+316.462.001.73

**КРЕПОСТНОЙ ВОПРОС В РОССИИ:
СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ И КОММУНИКАТИВНЫЕ
ПРАКТИКИ ВЛАСТИ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX в.)***

Дмитрий Тимофеев

Институт истории и археологии УРО РАН,
Екатеринбург, Россия

**THE QUESTION OF SERFDOM IN RUSSIA:
SOCIAL DIALOGUE AND COMMUNICATIVE PRACTICES
OF POWER (FIRST QUARTER OF THE 19th CENTURY)**

Dmitry Timofeev

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article puts forward a research model for studying the interaction between power structures and Russian subjects in the first quarter of the 19th century. The starting point of the model is a revision of the structuralist approach. The author considers it important to study “social dialogue” as a history of the communicative practices emerging among Russian subjects, local representatives of power, and high-ranking officials of the imperial administration. In order to reconstruct the channels, content, and results of this “social dialogue”, the author uses two groups of primary sources: texts produced in the process of public communication with an unspecified addressee that created a general intellectual and emotional context for the perception of existing social, economic, and political issues; and texts of public communication with a specified addressee, aimed at official structures of different levels with the purpose of solving certain practical problems. The author compares publications of Russian journals discussing

---

* *Citation:* Timofeev, D. (2018). The Question of Serfdom in Russia: Social Dialogue and Communicative Practices of Power (First Quarter of the 19th Century). In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1129–1143. DOI 10.15826/qr.2018.4.350.

Цитирование: Тимофеев Д. The Question of Serfdom in Russia : Social Dialogue and Communicative Practices of Power (First Quarter of the 19th Century) // Quaestio Rossica. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1129–1143. DOI 10.15826/qr.2018.4.350 / Тимофеев Д. Крепостной вопрос в России: социальный диалог и коммуникативные практики власти (первая четверть XIX в.) // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 4. С. 1129–1143 DOI 10.15826/qr.2018.4.350.

the problem of “slavery” in different countries of the world, archival materials from the Russian State Historical Archive on “the issues connected with peasants’ appeals for emancipation from non-noble masters”, the serf-owners’ complaints about the “illegal” emancipation of peasants without proper compensation, and projects for the abolition of serfdom created on the basis of the generalisation of complaints and petitions. The author distinguishes the two models of social dialogue, i.e. the *conflict model* and the *project model*. Taken together, these two models make it possible to trace both the government’s reaction to amendments of existing laws meant to solve conflicts between serfs and their masters and efforts to develop an all-Russian solution for the issue of serfdom.

Keywords: mid-19th-century Russian history; power and society; social dialogue; serfdom; communicative practice; projects of reforms.

Предложена исследовательская модель изучения процессов взаимодействия властных структур и российских подданных в первой четверти XIX в. Отправной точкой стал отказ от структуралистского подхода и признание необходимости изучения «социального диалога» как истории коммуникативных практик, возникавших между российскими подданными, представителями власти на местах и вышестоящими чиновниками имперской администрации. Для реконструкции каналов, содержания и результатов «социального диалога» привлечены две основные группы исторических источников: тексты, создаваемые в процессе публичной коммуникации с неопределенным адресатом и формирующие общий интеллектуально-эмоциональный контекст осмысления актуальных социально-экономических и политических вопросов; тексты публичной коммуникации с определенным адресатом, направляемые во властные структуры различного уровня с целью решения конкретных практических задач. Сопоставлены публикации в российских журналах о «рабстве» в различных странах мира, материалы архивных фондов РГИА «по делам об отыскании крестьянами свободы из владения лиц недворянского происхождения», жалобы помещиков на «незаконное» освобождение крестьян без соответствующего денежного вознаграждения, а также проекты отмены личной зависимости крестьян, составленные на основе обобщения содержания жалоб и прошений. В результате выявлены две основные модели социального диалога по крестьянскому вопросу – конфликтная и проектная. В совокупности эти модели позволяют проследить как непосредственную реакцию властных структур по корректировке действующего законодательства, направленную на решение локальных конфликтов, возникавших между крестьянами и их владельцами, так и процесс разработки вариантов решения крепостного вопроса в общероссийском масштабе.

Ключевые слова: история России начала XIX в.; власть и общество; социальный диалог; крепостное право; коммуникативные практики; проекты реформ.

История взаимоотношений «власти» и «общества» неоднократно становилась предметом исторических исследований. В различных вариациях данная проблематика отражена в работах по истории реформ и социальной мобилизации, юридической регламентации положения социальных групп и истории общественно-политической мысли. Однако при всем тематическом многообразии исследовательских сюжетов в подавляющем большинстве работ доминирует «государствоцентричная» парадигма, в соответствии с которой основным, а нередко и единственным субъектом, задающим векторы развития общества, представляется государство. Такой подход, сформулированный еще в 30–50-х г. XIX в. в работах К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и историков так называемой «государственной школы», во многом схематизирует историческую реальность, объясняя изменения в политической и социально-экономической сфере исключительно действиями власти, которая формирует и корректирует траекторию общественного развития. Отрицать важнейшую роль государственных институтов в истории было бы неверно, но одновременно с этим важно понимать, что любое государство – не монолитный и беспристрастный субъект, а иерархически функционирующая структура управления, которая состоит из чиновников, занимающих различные должности. Чиновники, являясь частью государственного аппарата, хотя и следуют должностным инструкциям и внутрикорпоративным нормам, при этом выступают в качестве непосредственных субъектов коммуникации с представителями различных социальных групп. Конкретные чиновники, олицетворяя собой государство на региональном и местном уровне власти, могут проявлять субъективные оценки при решении частных вопросов в случае обращения граждан во властные структуры. Эти же чиновники осуществляют трансляцию информации на высшие уровни власти, от них зависит, насколько реалистичными будут представления о положении в стране у императора и его ближайшего окружения.

С этих позиций история взаимоотношений государства и общества – это прежде всего история *коммуникативных практик* между отдельными подданными, представителями власти на местах и вышестоящими чиновниками имперской администрации. В совокупности все участники социально-коммуникативных взаимодействий образуют сложную полицентричную информационную сеть, посредством которой происходит циркуляция слухов, мнений, позиций, оценок, надежд и тревожных ожиданий по наиболее актуальным экономическим и социально-политическим проблемам, информации о намерениях и действиях как власти, так и ее подданных. Существовавшие в различной форме каналы передачи информации оказывали заметное влияние на стратегию и тактику правительственных чиновников, модели поведения представителей как привилегированных, так и «нижних состояний» российского общества.

Исследование взаимоотношений власти и общества обуславливает необходимость концентрации внимания на содержании публичных коммуникативных практик, возникавших между представителями различных социальных групп российского общества. Системообразующей категорией такого исследования может стать понятие *социальный диалог*, трактуемое как зафиксированный в источниках процесс взаимодействия представителей различных социальных групп (как между собой, так и с властными институтами). Данный концепт включает в себя не только личное общение индивидов, но и публичное обсуждение наиболее актуальных вопросов в периодической печати, а также опосредованную множеством управленческих структур и порождаемой ими документацией реакцию власти на заявления и действия российских подданных.

Структуру социального диалога можно условно представить в виде двух взаимопересекающихся коммуникативных сфер: публичная коммуникация с неопределенным адресатом и публичная коммуникация с определенным адресатом.

В первом случае обсуждение актуальных вопросов происходит открыто, круг потенциальных участников диалога заранее не определен и может варьироваться в зависимости от назначения текста. Такая форма представлена публикациями в правительственных и частных журналах, заметками путешественников, письмами читателей в редакцию, научно-публицистическими произведениями и учебной литературой. Изначальная неопределенность адресата, а иногда и автора, скрывающего свое настоящее имя за псевдонимом, позволяла представлять тот или иной факт, мнение или оценку как «общеизвестные», способствующие «общему благу» или, напротив, «искоренению заблуждений, пороков и невежества». На страницах российских журналов нередко возникали публичные дискуссии между авторами, в ходе которых они отвечали на замечания критиков и убеждали читателей в справедливости и обоснованности своего мнения. Все это, наряду с заявлениями верховной власти о восстановлении «силы закона» и «свободы мнений», формировало интеллектуально-эмоциональный фон, способствующий росту числа обращений российских подданных во властные структуры.

Вторая сфера социального диалога – публичная коммуникация с определенным адресатом – была не менее, а по количеству письменных свидетельств, возможно, и более обширна. К данной группе относятся разнообразные жалобы, прошения, проекты, авторы которых, обращаясь в какие-либо официальные структуры, рассчитывали на ответную реакцию адресата – чиновника местной или центральной администрации; служебная переписка и внутриведомственные распоряжения, материалы следствия, решения судебных инстанций и иные документы, возникавшие в процессе рассмотрения жалоб и прошений заявителей. В условиях прецедентной системы права создавались именные и сенатские указы в форме публичных разъяснений и распоряжений верхов-

ной власти по конкретным делам, решения по которым предлагались в качестве образца при рассмотрении аналогичных вопросов.

Поскольку анализ всей совокупности текстов, созданных в процессе публичной коммуникации в Новое и Новейшее время, является заведомо недостижимой целью, исследовательское поле следует ограничить четкими хронологическими и предметно-тематическими рамками. Конкретно-историческое исследование должно быть направлено на комплексную реконструкцию дискурсивных практик, возникавших в процессе решения частных вопросов, бывших элементом более масштабной социально-экономической или политико-административной проблемы.

* * *

В России первой половины XIX в. одной из актуальных тем «социального диалога» власти и подданных был вопрос о способах смягчения, а в перспективе и отмены крепостной зависимости. На страницах российских журналов «размышления» по данному вопросу нередко преподносились в форме информационных заметок или записок путешественников о положении «невольников» и «земледельцев» в различных странах мира. В некоторых случаях одновременно с критикой «рабства» в странах Африки, Северной и Южной Америки [Долго ли еще терпеть грабительства и жестокости африканских разбойников, с. 121–130; Взгляд на войну англичан с Ашантиями, с. 151–172] такого рода публикации содержали информацию о правительственной политике по смягчению или упразднению личной зависимости крестьян в ряде стран Европы. В данном контексте показательна, например, статья академика Петербургской императорской академии наук А. К. Шторха «Взгляд на постепенный упадок рабства и крепостного состояния в Европе и ее колониях», в которой читателю был предложен краткий обзор процесса освобождения крестьян в странах Европы, «колониях Датских, Английских и Французских», землях «испанской Америки» (в Мексике) [Взгляд на постепенный упадок рабства, с. 138–147]. Автор неоднократно подчеркивал, что «упадок рабства» является следствием общемировой тенденции продвижения человечества к «господству человеколюбия и справедливости», но ее реализация в каждой конкретной стране возможна по инициативе монарха/парламента и при согласии землевладельцев. Подобно многим другим российским авторам, он, отрицая тождественность «рабства» в африканских странах с положением крестьян в России [Каразин, с. 286], утверждал, что верховная власть в нашей стране также стремится к достижению «блага общего» и уже совершила ряд «благонамеренных» действий. В подтверждение справедливости данного тезиса предлагались выдержки из наказа Екатерины II «Уложенной комиссии», ссылки на указы императора Александра I от 12 декабря 1801 г., 20 февраля 1803 г. и «Положения» для поселян Лифляндской

и Эстляндской губерний [Взгляд на постепенный упадок рабства, с. 144]. Таким образом российскому читателю на примере относительно недавнего прошлого ряда европейских государств демонстрировалась возможность мирного искоренения «рабства» и необходимость добровольного активного участия в этом процессе помещиков.

Проведенный анализ публикаций по крестьянскому вопросу позволяет утверждать, что с начала XIX в. в общественном сознании происходит актуализация вопроса о недопустимости проявлений чрезмерной жестокости в отношении крестьян и дворовых людей, эффективности использования наемного труда, нравственных качествах и степени подготовленности российских крестьян к самостоятельной жизни без «отеческого попечения» помещика. Все эти сюжеты рассматривались на теоретическом или историко-философском уровне и воспринимались как иллюстрация стремления образованной части российского общества к достижению абстрактно сформулированного «общего блага», как свидетельство распространения в России «просвещения» и приверженности нормам христианской морали. Однако при всей важности публичной констатации неизбежности в исторически неопределенной перспективе отмены крепостной зависимости подобного рода статьи не вызывали каких-либо практических действий, направленных на незамедлительное решение крепостного вопроса.

Нацеленность же на достижение практических результатов отчетливо просматривается в *публичных текстах с определенным адресатом*. Составленные в форме жалоб и прошений, а также разнообразных проектов, докладов и записок о возможных вариантах отмены или смягчения крепостной зависимости крестьян, они подавались во властные структуры как дворянами, так и представителями иных «состояний» российского общества. Сопоставление целевых установок авторов, обстоятельств создания и содержания данной группы текстов выявляет две основные модели социального диалога по крестьянскому вопросу.

Первая модель – *конфликтная*. Такой сценарий, как правило, реализовывался в случае возникновения юридически зафиксированных конфликтных ситуаций между крестьянами и их владельцами, поводом для которых могли стать чрезмерная жестокость помещика, невыполнение им условий договора об освобождении крестьян по указу 20 февраля 1803 г., а также появление у крестьян подозрений в незаконности их пребывания в зависимости у лиц недворянского происхождения [Timofeev, p. 549–557]. В подобных ситуациях крестьяне или их доверители подавали на имя губернского прокурора, министра внутренних дел или сенаторов-ревизоров жалобы и прошения «об отыскании свободы из рабства».

Практика составления крестьянских прошений, вопреки распространенному в историографии утверждению о существовании запрета жаловаться на помещиков, не противоречила указам 3 (12) июня 1762, 19 января 1765 и 2 августа 1767 г., в соответствии с которыми строжайше запрещалось подавать жалобы лишь *лично в руки монарха*,

«минуя надлежащие присутственные места». О масштабах обращений людей «нижнего состояния» во властные структуры красноречиво свидетельствуют фонды Сенаторских губернских ревизий и Общего департамента Министерства внутренних дел РГИА. Каждое принятое к рассмотрению прошение порождало целый комплекс сопроводительных документов, предписаний и материалов расследования, решений судов и местной администрации. В некоторых случаях анализ обстоятельств конкретного дела в Комитете министров, Сенате, Государственном совете или «Комиссии составления законов» завершался разработкой проекта искоренения «помещичьих злоупотреблений» или изданием нового указа.

Одним из наиболее информативных сюжетов, позволяющих реконструировать содержание и формы конфликтной модели социального диалога, являются прошения крестьян и дворовых людей «об отыскании свободы из владения» лиц недворянского происхождения. Такие прошения чаще всего подавались в ходе сенаторских ревизий и содержали жалобы не только на незаконное с точки зрения заявителя удержание крестьянина или дворового человека, но и на медлительность местных властей и даже на их возможную коррупционную связь с ответчиками по делу.

Как правило, в прошениях об отыскании «свободы из рабства» подробно описывались обстоятельства незаконного закрепощения крестьян лицами недворянского происхождения. Юридически такое положение было возможно в случае отдачи помещиком крестьян и дворовых людей в «услужение», «работу» или «учение» по так называемым «верющим письмам». В результате крестьянин мог находиться во владении недворянина длительное время, нередко полностью утрачивая связь с законным владельцем. Фактически под видом временного перевода крестьянина или дворового человека по «верющему письму» совершалась незаконная продажа крестьян.

Показательным является прошение Флора Чернышова об освобождении его из владения купца Волкова, направленное во время сенаторской ревизии Саратовской губернии 30 декабря 1826 г. действительному тайному советнику Н. И. Огареву [РГИА. Ф. 1557. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–1 об.]. В нем Чернышов сообщал, что ранее он дважды (19 января 1825 и 29 октября 1826 г.) подавал прошения о предоставлении ему «свободы» в губернское правление и саратовскому губернскому прокурору, который, по утверждению крестьянина, в нарушение указа 19 января 1816 г., предписывавшего подобные дела «проводить к решению скоротечно без очереди», сознательно затягивал рассмотрение вопроса. По приказу сенатора-ревизора Н. И. Огарева судья Саратовского уездного суда составил объяснительную записку, в которой сообщал, что Чернышов еще 30 лет назад был продан помещиком Н. Аверьевым *купицу* Андрею Канину, а позднее был отдан «в приданное за дочь его» другому *купицу* Волкову, «проживал в доме и во всех его работах послужил безотлучно» [Там же].

Находясь много лет в услужении, крестьянин не пытался выяснить юридические основания своего пребывания у лиц «купеческого состояния». Внешним же поводом для обращения во властные структуры была информация, полученная Чернышовым от его соседей об издании указа 10 апреля 1823 г. «О воспреещении разночинцам иметь в услужении дворовых людей и крестьян по верующим письмам» (опубликован 30 июля 1823 г.), в соответствии с которым крепостные могли находиться в услужении лишь с обязательной «платой по найму». Данная норма была дополнением к действовавшему уже несколько лет указу 23 октября 1816 г., устанавливавшему пятилетний срок действия новых «верующих писем» и обязанность помещиков уничтожить все ранее выданные письма в течение одного-двух лет [ПСЗ, т. 33, № 26 469]. В случае же невыполнения этих условий крепостные люди объявлялись свободными и могли «избрать себе новый род жизни». Таким образом, удержание крестьянина во власти купца А. Канина было явным нарушением действующего законодательства, и прошение Чернышова было вполне обоснованным.

В ситуации возникшего по инициативе крестьянина «социального диалога» показательна реакция всех его участников: купца, в непосредственном распоряжении которого находился крестьянин; его официального владельца (помещика); представителей центральной администрации. Из показаний крестьянина следует, что купец Волков, узнав об издании указа 10 апреля 1823 г., незамедлительно отправил его к «неизвестному ему Чернышову господину Иванову, который принял к себе и, подержав несколько времени, обратно отослал его к тому Волкову с дачею им каких-то бумаг, и приказал жить у него Волкова безотлучно» [РГИА. Ф. 1557. Оп. 1. Д. 23. Л. 4 об.]. После этого Волков объявил Чернышову и еще двум находившимся у него дворовым людям, что «барин их, которого они совсем не знали и не знают, прислал их к нему в услужение на пять лет... почему они у него и поныне находятся во всех его работах и домашних услугах» [Там же]. Таким образом, фактический, но не формально-юридический владелец крестьян (купец Волков), реагируя на требование власти ограничить практику длительного использования крепостных крестьян лицами недворянского происхождения, но не желая утратить возможность полного распоряжения ими, приобретает новое «верующее письмо». Крестьяне же, как следует из объяснения самого купца, даже не знали о том, что еще несколько лет назад они были проданы коллежскому помещику Петру Иванову. Для них важна была не юридическая сторона дела, а фактическое пребывание во власти недворянина, что позволяло им «просить от рабства свободы с избранием рода жизни» [Там же].

Реакция центральной администрации по данному делу представлена резолюцией сенатора Огарева: «дело сие должно быть донесено губернским правлением, куда и велеть его препроводить с прочими ему подобными...» [Там же. Л. 10 об.]. Такая формулировка полностью соответствовала инструкции сенаторам, осуществлявшим ревизию в гу-

берниях, в соответствии с которой следовало не вмешиваться в ход судебного разбирательства, а лишь, «заметив медлительность и волокиту, обращать на сие внимание и доставлять тяжущимся законное покровительство» (§ 9 от 17 марта 1819 г.) [ПСЗ, т. 36, № 27722, с. 102].

В некоторых случаях сенаторы-ревизоры не просто обращали внимание местных властей на медлительность разбирательств по делам «о людях, отыскивающих свободу», но и четко выражали свою позицию по существу дела, предлагая Сенату *удовлетворить прошение крестьян*. Такой сценарий представлен в материалах дела по прошению дворовой девки Прасковьи Хромых, ищущей свободы из владения священнослужителя. Осенью 1824 г. она подала прошение сенаторам-ревизорам Вятской губернии А. Долгорукову и Е. Дурасову, в котором жаловалась на решение губернского правления, отказавшего признать ее свободной. Из материалов расследования стало известно, что просительница ранее принадлежала помещику Буткевичу, но была отдана им без составления какого-либо документа во владение *кунца* Чарушина, который по истечении двух лет передал ее священнику Бердникову. После этого *по доверенности* от помещика Буткевича она была продана титулярным советником Красниковым жене прапорщика Шилова, которая через некоторое время также продала ее помещице Машковцевой. Такая сложная последовательность перехода дворовой девки от одного владельца к другому, по сути, отражала лишь формальную сторону дела, так как все это время Прасковья Хромых продолжала жить в доме священника «без всякого акта» [РГИА. Ф. 1554. Оп. 1. Д. 80. Л. 2–3 об.].

После ознакомления с обстоятельствами дела ревизоры констатировали, что просительница «находилась во владении людей, не имеющих никакого права, проживала у них безо всяких актов», а способствовал этому «слабый надзор губернского начальства в наблюдении за точным соблюдением высочайшей по сему предмету воли». Именно поэтому, ссылаясь на текст указа 24 ноября 1816 г., они предложили: «...девке Хромых обще с незаконно прижитыми ею детьми предоставить свободу и право избрать род жизни по ея желанию... а на виновных в неправильном владении ею и держании ее без пашпартов обратить взыскание» и объявить выговор Вятской градской полиции и губернскому правлению за «слабый надзор» [Там же. Л. 4 об.]. При этом подчеркивалось, что основанием для наказания губернских чиновников было не только прошение Хромых, но и наличие «большого количества дел подобного рода, производящихся долговременно в уездных судах...» [Там же]. По результатам ревизии Вятской градской полиции было предписано принять меры к охранению дворовой девки Хромых до принятия окончательного решения по делу в Сенате [Там же. Л. 6]¹.

---

¹ Позднее дело было из 1-го департамента передано в 4-й, а затем во 2-й департамент Сената. К сожалению, итоговое решение обнаружить не удалось.

Более продуктивно социальный диалог по крестьянскому вопросу выстраивался в случае, если его инициаторами были не только *крепостные крестьяне* или *чиновники*, но и *сами помещики*, а конкретные обстоятельства рассматриваемого дела не позволяли принять однозначное решение в рамках действующего законодательства. Такой сценарий, как правило, сопровождался продолжительными дискуссиями с участием министра внутренних дел, сенаторов, членов Комиссии составления законов. В ходе многостороннего обсуждения высказывались различные мнения и составлялся проект указа по устранению выявленных противоречий в законодательстве.

Так, в декабре 1821 – феврале 1822 г. по представлению министра юстиции Д. И. Лопухина Сенату и членам Комиссии составления законов было предложено сформулировать общее правило для решения дел по прошениям крестьян в случае, если крепостному человеку уездные суды предоставили свободу, а помещик, пропустив установленный законом срок для апелляции в губернский суд, подавал жалобу в Сенат. Поводом для рассмотрения данного вопроса было несколько конкретных случаев. Одним из них было дело по прошению крестьянина Тимофеева, «ищущего вольности из владения помещика А. Мещеринова» [РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 763. Л. 6]. Актуальность изложенных в нем обстоятельств была связана с очевидным пробелом в законодательстве и отсутствием системы оперативной передачи информации между управленческими и судебными структурами различного уровня.

Из материалов дела было известно, что 30 января 1800 г. решением Кирсановского уездного суда крестьянин Тимофеев был признан свободным и 2 декабря 1801 г. записан в мещанское состояние. Но его помещик, пропустив установленный законом месячный срок, подал апелляцию на решение уездного суда в Тамбовскую палату гражданского суда, которая, не имея информации о записи крестьянина в мещанство, предписала ему «остаться за помещиком». Однако данное решение исполнено не было, так как 5 октября 1810 г. II департамент Сената сначала подтвердил решение Тамбовской палаты о возвращении крестьянина во владение помещика, «но после сего, когда открылось, что Тимофеев записан в мещанство... оставил его с семейством его» в прежнем «состоянии» [Там же. Л. 9, 24].

Таким образом, крестьянин получил искомую свободу, но на этом «диалог» по данному делу не был завершен. Через 12 лет, в декабре 1822 г., материалы этого дела были вновь востребованы и стали основанием для обсуждения в «Совете комиссии составления законов» вопроса о выработке единых правил принятия решений по «прошениям о людях, ищущих свободы». Подчеркивая необходимость учитывать интересы и помещика, и крестьян, участники обсуждения признавали наличие противоречий в действующем законодательстве. С одной стороны, они констатировали, «что никакое решение низшего суда нельзя почитать окончательным, когда законом до-

зволюется на него апелляция», следовательно, помещик имел право вернуть принадлежавшего ему ранее работника. С другой, ссылаясь на манифест 14 марта 1775 г. и указ 27 сентября 1815 г., члены комиссии подчеркивали: «...получивший однажды свободу на основании наших законов не может уже терять оную, следовательно, и нельзя сказать, что в сем случае он получит временную свободу, но должен быть отпускаем по паспорту для прокормления, как и прочие люди свободного состояния» [Там же. Л. 26, 29 об.–30].

Указанные противоречия актуализировали разработку компромиссного варианта разрешения подобных конфликтов с учетом интересов всех заинтересованных сторон, одной из которых, помимо помещиков и крепостных людей, выступало и *государство*. Признавая право помещика на апелляцию в высшую судебную инстанцию и права освобожденных по решению суда крепостных людей, члены Государственного совета и Комиссии составления законов принципиально важным считали определить, кто – помещик или крестьянин – обязан был выплачивать подушную подать до окончательного решения дела в Сенате. Итогом дискуссий по этим вопросам в «Общем собрании Государственного совета» и в «Общем собрании Санкт-Петербургских департаментов Правительствующего Сената» стал проект указа, подписанный императором 31 мая 1824 г. В соответствии с ним, если помещик своевременно не заявлял о несогласии с решением местного суда, крестьянин объявлялся «вечно свободным» и самостоятельно выплачивал подушную подать. Но если бывший владелец в течение года подавал апелляцию в Сенат, то крестьянин, сохраняя право выбора места жительства и «рода занятий», получал до вынесения окончательного решения по его делу в Сенате статус «временно свободного». В этом случае финансовая ответственность за выплаты в казну на протяжении всего периода рассмотрения дела возлагалась на помещика [РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 763. Л. 48–48 об.; ПСЗ, т. 39, № 29935, с. 341–342]. Таким образом, первоначально инициированный по жалобе крестьянина вопрос стал основанием для корректировки действующего законодательства и был своеобразным ответом власти, которым следовало руководствоваться во всех аналогичных случаях.

Отчетливо прослеживаемая на основе приведенных примеров конфликтная модель социального диалога, участниками которого были крестьяне, помещики и чиновники различного уровня, нередко порождала осознание недостаточности издания локальных нормативно-правовых актов и нацеленность на разработку проектов принципиального решения крепостного вопроса. В этом случае диалог переходил на более высокий уровень и продолжался без участия крестьян. И хотя в основе проектов предполагаемых изменений оставались прошения и жалобы, главными субъектами диалога становились уже не стороны конфликта, а высокопоставленные чиновники, предлагавшие различные варианты смягчения или отмены крепостной зависимости крестьян в России. С этих позиций, на мой взгляд,

можно говорить о сосуществовании, наряду с конфликтной, *проектной* модели социального диалога.

Примером такого сочетания является поступившее 25 января 1824 г. в департамент гражданских и духовных дел Государственного совета дело по прошению крестьян коллежского советника Николая Кузьмина, освобожденных им без платы «со всею пашенною, сенокосною и лесною землею» [РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 807. Л. 4]. В составленном помещиком договоре было лишь одно условие: крестьяне должны были до его смерти находиться в имении, а после – предъявить заблаговременно подписанные им отпускные в «Гражданскую и Казенную палаты». После смерти помещика в октябре 1812 г. крестьяне были записаны в «вольные земледельцы», но его сестры Александра, Анна и Марья подали прошение об уничтожении выданных ранее отпускных, аргументируя это тем, что брат Николай своих крестьян «отпустил на волю с землею без всякого условия о каком-либо ему за то платеже», что, как они считали, противоречило положениям указа от 20 февраля 1803 г. [Там же. Л. 5, 7]. Жалоба сестер была дважды отклонена решением гражданского суда и Владимирской гражданской палаты (1817), но они подали апелляцию в 7-й департамент Сената, который признал отпускные недействительными. Крестьяне, в свою очередь, отстаивая законность их освобождения, подали «всеподданнейшее прошение» на имя императора, в котором писали, что они получили свободу по воле помещика и находятся в «состоянии вольных хлебопашцев» уже десять лет. В результате материалы дела были направлены в «Общее собрание Московского Правительствующего Сената» и Комитет министров, а в конце 1823 – начале 1824 г. – на рассмотрение Общего собрания Государственного совета, где было принято окончательное решение о предоставлении крестьянам свободы.

Так же, как и в описываемых ранее примерах, инициативными документами для рассмотрения высшими государственными органами вопроса о законности предоставления крестьянам свободы были прошения и жалобы участников локального конфликта. Однако в данном случае результатом обсуждения было не только освобождение конкретных крестьян или ситуативная корректировка действующего законодательства, а решение поручить Комиссии составления законов разработать «Проект правил для увольнения крестьян вообще» [Там же. Л. 56].

Тщательно анализируя причины возникновения конфликтов между крестьянами, помещиками и/или их наследниками, оспаривавшими предоставление крестьянам свободы по указу «О вольных хлебопашцах», М. Балугьянский предложил не только упростить процедуру перехода крестьян в разряд вольных хлебопашцев, исключив необходимость согласования договоров с министром внутренних дел и императором, но представил собственный проект постепенной отмены крепостной зависимости в России [Там же. Л. 71–73]. По его мнению, наряду с существовавшими ранее способами предоставле-

ния крестьянам свободы (отпускные, духовные завещания, переход в вольные хлебопашцы по договору с помещиком и выкуп земельного участка), необходимо было законодательно регламентировать поземельные взаимоотношения освобожденных крестьян и их бывших помещиков. Стратегической целью такой регламентации должно было стать формирование в России новой социальной страты – «состояния лично свободных крестьян, держателей земли». Такие крестьяне, «получив от помещика личную свободу», наделялись бы правом срочного (не менее трех лет) или бессрочного владения земельными участками на условиях, зафиксированных в юридически оформленных и публично зачитываемых в присутствии всех заинтересованных сторон договора [Там же. Л. 19–38, 74–108 об.]. Конечно, предлагаемый вариант освобождения крестьян, предусматривавший сохранение права собственности на землю за помещиками, единственным ограничением которого был бы запрет на продажу или передачу земли во владение или аренду третьим лицам до истечения срока договора с крестьянами, не являлся абсолютно новой идеей². Но в данном случае важна была не новизна проекта, а возможность актуализировать вопрос, используя конкретные прошения и жалобы частных лиц.

Данный пример очень важен для понимания скрытых механизмов функционирования социального диалога по крестьянскому вопросу. В условиях существования прецедентного права жалобы и прошения частных лиц могли служить удобным поводом для постановки вопроса о целесообразности разработки практических шагов в направлении реализации масштабных преобразований. С этих позиций разрабатываемые высокопоставленными чиновниками проекты реформ являлись своеобразным отражением реакции властных структур на импульсы, поступающие от различных групп российских подданных. В отличие от обозначенной ранее «конфликтной» модели социального диалога, результатом которой было издание именного или сенатского указа, проекты масштабных преобразований не имели ссылок на жалобы и прошения, но, по сути, они являлись опосредованным ответом на изменение общественных настроений. В рамках крепостной проблемы это был ответ тем, кто «выражал неудовольствие» отсутствием единообразия решений судов различного уровня «по делам о людях, отыскивающих свободу», юридической неопределенностью «пределов власти» помещика над «поселенными на его земле крестьянами» и невозможностью осуществлять контроль за исполнением принятых ранее норм и предписаний властных структур, а главное, тем, кто считал необходимым устранить противоречивость российского законодательства о праве собственности для различных категорий российского общества. И хотя предлагаемые проекты не становились предметом публичного обсуждения, и о существовании

---

² Основные положения данного проекта воспроизводили предложения, разработанные М. А. Балутьянским еще в 1818–1819 гг.

«ответа» не знали те, кто подавали жалобы и прошения, но сам факт использования конкретных примеров в процессе разработки вариантов решения позволяет говорить о существовании опосредованного различными низовыми структурами диалога «просителей» и «проекторов». В основе ответной реакции чиновников высшего уровня (сенаторы, министры, члены Государственного совета и комиссии составления законов) были не только публично декларируемая приверженность нормам христианской морали и безусловное осуждение проявлений чрезмерной жестокости в отношении крепостных людей, но и информация о множестве однотипных по содержанию прошений, поступающих в министерство внутренних дел, Сенат или Государственный совет.

Таким образом, обращения российских подданных во властные структуры, вне зависимости от того, каким образом решалось конкретное дело, были действенным информационным каналом социального диалога, в существовании которого оказывались заинтересованными и просители, и чиновники различного уровня. Первые, пусть и далеко не всегда, но все-таки получали искомую свободу, а вторые, публично демонстрируя приверженность провозглашенному императором курсу на «восстановление силы закона», стремились к достижению различных целей. Чиновники уездного и губернского уровня, особенно в случае проведения сенатских ревизий, вынуждены были реагировать на жалобы, опасаясь негативной реакции вышестоящего начальства и возможной потери должности «по недосмотру в делах, до общественного спокойствия касающихся». Главной же задачей представителей правительственной элиты был поиск такого решения крестьянского вопроса, при котором предоставление крепостным людям личной свободы не приводило бы к нарушению права частной собственности и одновременно минимизировало риск возникновения острых социальных конфликтов.

Список литературы

Взгляд на войну англичан с Ашантиями и на состояние английских поселений по золотому берегу // Сын Отечества. 1825. Ч. 102. № 15. С. 151–172.

Взгляд на постепенный упадок рабства и крепостного состояния в Европе и ея колониях // Вестн. Европы. 1819. Ч. 106. № 14. С. 138–147.

Долго ли еще терпеть грабительства и жестокости африканских разбойников // Архив исторический и политический. СПб. : [Б. и.], 1818. С. 121–130.

Каразин В. Н. Практическое заступление противу иностранцев установленной в России подчиненности поселян их помещикам // Вестн. Европы. 1811. Ч. 59. № 20. С. 286–290.

Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестн. Европы. 1802. Ч. 3. № 12. Июнь. С. 314–331.

ПСЗ. 1830. Т. 33. № 26469; Т. 36. № 27722; Т. 39. № 29935.

РГИА. Ф. 1554. Оп. 1. Д. 80; Ф. 1557. Оп. 1. Д. 23; Ф. 1260. Оп. 1. Д. 763, 807.

Timofeev D. V. Scripts Liberation of Peasants in Russia in the First Quarter of the XIX-th Century in the Reflection of Rumors, Petitions and Noble Projects // Bylye Gody. 2015. Vol. 37. Iss. 3. P. 549–557.

References

Dolgo li eshche terpet' grabitel'stva i zhestokosti afrikanskikh razboinikov [Will We Have to Wait Long to See the End of Robberies and Cruelty Committed by African Criminals?]. (1818). In *Arkhiv istoricheskii i politicheskii*. St Petersburg, S. n., pp. 121–130.

Karazin, V. N. (1811). Prakticheskoe zashchishchenie protivu inostrantsev ustanovlennoi v Rossii podchinennosti poselyan ikh pomeshchikam [Practical Protection against Foreigners in the Subordination of Peasants to Their Landlords in Russia]. In *Vestnik Evropy*. Vol. 59. No. 20, pp. 286–290.

Priyatnye vidy, nadezhdy i zhelaniya nyneshnego vremeni [Pleasant Views, Hopes and Desires of the Present Time]. (1802). In *Vestnik Evropy*. Vol. 3. No. 12. June, pp. 314–331.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 33. № 26469; Vol. 36. № 27722; Vol. 39. № 29935.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1554. List 1. Dos. 80; Stock 1557. List 1. Dos. 23; Stock 1260. List 1. Dos. 763, 807.

Timofeev, D. V. (2015). Scripts Liberation of Peasants in Russia in the First Quarter of the XIX-th Century in the Reflection of Rumors, Petitions and Noble Projects. In *Bylye Gody*. Vol. 37. Iss. 3, pp. 549–557.

Vzglyad na postepennyi upadok rabstva i krepostnogo sostoyaniya v Evrope i eya koloniyakh. In *Vestnik Evropy* [A Glance at the Gradual Decline of Slavery and Serfdom in Europe and Its Colonies]. (1819). Vol. 106. No. 14, pp. 138–147.

Vzglyad na voinu anglichan s Ashantiyami i na sostoyanie angliiskikh poselenii po zolotomu beregu [A Glance at the War of the English with the Ashanti and the State of English Settlements along the Gold Coast]. (1825). In *Syn Otechestva*. Vol. 102. No. 15, pp. 151–172.

The article was submitted on 10.10.2018